

СОДЕРЖАНИЕ

Замечание о званиях	7
Введение	9
1. Оппозиция в огне	17
2. «Эта проклятая кобыла!»: скандал в армейской верхушке	35
3. Офицер, бургомистр и разведчик	40
4. «В самых мрачных тонах»: решение генерала Бека	56
5. Птичка и ее клетка: первая попытка государственного переворота, сентябрь 1938 г.	63
6. Без сети: одинокий убийца	95
7. Точка невозврата: погром и война	111
8. Дух Цоссена: когда сети не работают	125
9. Знаки во тьме: восстановление заговора	137
10. На крыльях мысли: воображаемые сети	142
11. Посредники на передовой: новая стратегия	160
12. Война на уничтожение: заговорщики и холокост	168
13. «Вспышка» и бутылки с алкоголем: покушения на Востоке	175
14. Кодовое имя U-7: спасение и крах	195
15. Граф Штауффенберг: харизматический поворот	217

16. Убий: проблема тираноубийства	244
17. Схема колеса: эра Штауффенберга	253
18. Развязка: 20 июля 1944 г.	281
19. Хитон Несса.....	320
20. Мотивы в сумерках.....	352
21. Сети Сопротивления	370
Эпилог	381
Благодарности	385
Примечания	390
Избранная библиография	452
Предметно-именной указатель.....	468

Замечание о званиях

Многие персонажи этой книги — офицеры военных организаций Третьего рейха: вермахта, военно-морского флота и СС. За описанные годы — с 1938-го по 1944-й — некоторых из них повышали в звании, и нередко не один раз. В книгах о немецком Сопротивлении, особенно на английском языке, часто указывают лишь последнее и самое высокое звание того или иного человека. Например, Клаус фон Штауффенберг обычно фигурирует как полковник, хотя он получил этот чин только в июле 1944 г. В своей книге я стараюсь приводить актуальное звание в каждый период времени. Так, Хеннинг фон Тресков именуется полковником в главах, рассказывающих о его покушениях в марте 1943 г., и генерал-майором в последующих главах.

Два генеральских звания вермахта — генерал пехоты/артиллерии и генерал-полковник — не имеют точного эквивалента в англоязычных армиях. Поэтому для простоты в обоих случаях я использую термин «генерал». Организация СС имела собственные звания, которые я передаю с помощью американских эквивалентов, например бригадный генерал Небе, а не оберфюрер Небе.

ВВЕДЕНИЕ

*Я виноват. Не в том вина моя,
Что я боролся с властью бешеного зверя.
Я слишком долго ждал, надеялся и верил,
Что это сделает другой — не я, не я...
Вот в чем пред Родиной вина моя.
Сегодня ясно вижу это я.*

АЛЬБРЕХТ ХАУСХОФЕР, 1945*

Вина. Ни одно другое слово не имеет такой значимости, когда речь идет об истории Германии. Даже драматический заговор 20 июля 1944 г., организованный полковником Клаусом фон Штауффенбергом и его единомышленниками из антинацистского движения Сопротивления с целью убийства Гитлера, был пронизан виной и другими чувствами, которые проступают сквозь густой туман мифов и воспоминаний.

История антинацистского подполья в немецкой армии и его неоднократных попыток убить Гитлера писана-переписана в книгах, фильмах, сериалах и телепередачах. Этому вряд ли стоит удивляться, ведь в ней есть элементы настоящего триллера: ночные встречи в промерзших полях, изоциренные планы

* Альбрехт Хаусхофер — немецкий географ, дипломат, участник заговора против Гитлера, казненный в 1945 г. «Моабитские сонеты», сонет XXXIX «Вина». Перевод Д. Гарбара. — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.

военных заговоров, бомбы, спрятанные в портфелях и бутылках с алкоголем, и драма 20 июля 1944 г. — сорвавшееся покушение и последняя, отчаянная попытка осуществить государственный переворот.

История немецкого Сопротивления имеет не только драматическую, но и важнейшую моральную составляющую. Ведь эпоху нацизма до сих пор во всем мире, и прежде всего в самой Германии, рассматривают через призму коллективной вины, исторической ответственности и бремени преступлений национал-социализма. Немецкие историки-традиционалисты — начиная с 1950-х гг. и по сей день — преподносили историю немецкого Сопротивления как «светлое пятно» во тьме нацистской эры, облегчая таким образом бремя исторической вины. Участников Сопротивления изображали честными, глубоко нравственными людьми, стремившимися «противостоять темным силам эпохи», как выразился Ханс Ротфельс, один из основоположников историографии Сопротивления в Германии¹. История, которую предлагают немецкие историки-традиционалисты, в первую очередь Петер Хоффманн, насыщена деталями и чрезвычайно благосклонна по отношению к борцам германского Сопротивления. Журналистка Марион фон Дёнгоф называла попытку переворота 20 июля 1944 г. «бунтом совести», а мотивы заговорщиков нравственными². Прежде всего, утверждал Петер Хоффманн, они хотели остановить преступления нацистов, в том числе холокост. Это была гуманная цель — в том смысле, что она поддерживала принцип «жизни и сохранения жизни»³. Конечно, эти люди, безусловно, патриоты Германии, которые надеялись спасти свою родину от уничтожения, однако национализм был тут вторичен по отношению к нравственности.

В бурные 1960-е политический климат в Германии резко поменялся. Молодые историки, как и другие образованные немцы их возраста, занялись безжалостной ревизией «мифов» прошлого. Новый критический подход не обошел стороной и немецкое Сопротивление. С конца 1960-х гг. критически

настроенные историки левого толка, такие как Ханс Моммзен, Кристоф Диппер и Кристиан Герлах, начали ставить под сомнение нравственную безупречность героев Сопротивления. По их мнению, заговорщики, в большинстве своем являвшиеся чиновниками-консерваторами и офицерами, изначально были сомнительными фигурами. Да, граф Штауффенберг пытался убить Гитлера и заплатил за это своей жизнью. Но разве не он до этого сотрудничал с нацистским режимом в течение многих лет? А что насчет других заговорщиков? Являлись ли они в действительности высоконравственными людьми, идейными антифашистами, которые пытались организовать «бунт совести», или все же оппортунистами, которые сотрудничали с нацистами до тех пор, пока не стало очевидным, что война проиграна?

Один за другим некогда почитавшиеся заговорщики стали терять свои лавровые венки. Возможно, они со временем возненавидели нацистский режим и принялись противостоять большей части его преступлений, утверждал Ханс Моммзен, но они были противниками демократии и реакционерами⁴. Они придерживались выраженных антисемитских взглядов, писал Кристоф Диппер в весьма авторитетной работе, опубликованной в 1984 г. Они могли выступать против холокоста, однако большинство из них желало, чтобы евреи покинули Германию, и поддерживало «законную» и «ненасильственную» дискриминацию⁵. Они были не только антисемитами, но и убийцами и военными преступниками, заявлял Кристиан Герлах в 1995 г. Многие видные участники заговора, прежде всего генерал-майор Хеннинг фон Тресков, добровольно принимали участие в массовых убийствах русских, евреев и поляков. Историки-традиционалисты, доказывал Герлах, обеляли преступления заговорщиков и писали «чушь» об их якобы безупречном послужном списке. Горькая правда заключается в том, что заговорщики противостояли Гитлеру не из-за его преступлений, а потому, что расходились с ним в том, «как лучше всего победить в этой войне»⁶.

Споры не утихают. Похоже, немецкое Сопротивление Гитлеру — это область, где исторические дискуссии не носят чисто академического характера, а пронизаны эмоциями. Одни ученые возносят заговорщиков на Олимп, другие низвергают в глубины ада. В ход идут профессиональные и даже личные обвинения. Я и сам, как будет заметно на следующих страницах, далеко не нейтральный наблюдатель. Когда я, молодой израильский студент, впервые заинтересовался Сопротивлением, я был поражен тем, что представлялось мне самоотверженной храбростью немецких заговорщиков. Как потомка выживших в холокосте, меня глубоко трогали рассказы о сострадании заговорщиков к преследуемым евреям. Столь же глубоким было и мое разочарование, когда я наткнулся на данные об их возможном антисемитизме и соучастии в военных преступлениях в работах Диппера и Герлаха. Я решил углубиться в источники и составить собственное мнение.

За десять лет исследований, предшествовавших выходу «Валькирии», моей монографии о Сопротивлении, написанной на иврите, я изучил все первичные и вторичные источники, которые смог найти⁷. Я побывал в 13 архивах в Германии, Англии, России и Соединенных Штатах. Временами находки шокировали меня. Постепенно я все сильнее разочаровывался в левой, «критической» школе изучения Сопротивления. Я обнаружил, что, казалось бы, критически настроенные ученые обвиняли участников немецкого Сопротивления в приспособленчестве, антисемитизме и военных преступлениях, основываясь на искаженных данных и неверном прочтении первоисточников. В изложении этих ученых Сопротивление зачастую предстает карикатурой, кривым зеркалом, которое больше говорит о политической предвзятости самих историков, нежели о немецком Сопротивлении⁸.

Однако я не мог вернуться и к уютной героической картине, предлагаемой историками-традиционалистами. Да, некоторые из критически настроенных специалистов проявляли небреж-

ность, но вопросы, которые они ставили, имели смысл. Постепенно я пришел к убеждению, что необходимо выйти за рамки сложившейся полемики о морали, пересмотреть ее положения и в целом переосмыслить ее.

В этой книге я пытаюсь осуществить свой замысел. Она заново рассказывает историю Сопротивления, проливая новый свет на его психологические, социальные и военные движущие силы и на причины, стоявшие за решением убить Гитлера. Я использую немецкое Сопротивление в качестве прецедентного дела, чтобы на основе конкретных наблюдений сделать более общие выводы: почему одни люди решаются на активное сопротивление, несмотря на смертельный риск, а другие нет? кто с наибольшей вероятностью становится борцом Сопротивления? что мы можем узнать о сложных и изменчивых мотивах, которые толкают людей на этот путь? Если выйти за пределы дискуссии о морали, даже не отвергая ее полностью, можно открыть для себя совершенно новый мир смыслов, в котором мотивации и намерения оказываются ускользающими и с трудом поддающимися определению. Медиевист Авиад Клейнберг в своей работе о католических святых писал:

Вопрос о настоящих мотивах подвижника так же бессмыслен, как и вопрос о существовании «истинного» святого. Если под «истинным» понимать идеально чистого, то ответ всегда будет отрицательным. Ничто в мире не является абсолютно чистым. Но означает ли это, что все в мире является абсолютно нечистым? И здесь ответ тоже отрицательный. В этом мире мы всегда имеем дело с относительными величинами... Более того, то, что заставляет человека действовать в один момент, не обязательно побудит его действовать в другой. Иногда люди совершают поступки без всякого намерения; иногда представления о чести, власть, привычка или усталость могут повлиять на самые чистые намерения. Люди редко отвечают четким и точным моделям, равно как

их ноги редко идеально соответствуют 11-му размеру обуви. Ноги и обувь подходят друг другу более или менее. Люди колеблются и переходят от одной модели к другой. В любой конкретный момент времени их действия отражают баланс движущих сил и обстоятельств, сложившийся в уникальной ситуации, которую невозможно воспроизвести⁹.

В самом деле, какой смысл спрашивать, имелись ли у участников Сопротивления «нравственные» или «патриотические» мотивы, не выяснив, что для них означали нравственность и патриотизм? Можно ли провести границу между нравственностью и патриотизмом и если да, то проводили ли ее сознательно сами заговорщики? Можно ли выстроить более убедительную схему их мотивов? Эти вопросы будут рассматриваться на протяжении всей книги, и в главе 20 я сформулирую выводы.

История заговорщиков из немецкого Сопротивления — это все же в первую очередь история военных. В следующих главах будет изложен драматический рассказ о проектах и покушениях, в которые они были вовлечены. Мы будем следовать за ними с 1938 по 1944 г., раскрывая заговоры — знаменитые и малоизвестные. Отдельное внимание будет уделено редко обсуждаемой проблеме конспиративных сетей. Предшествующие исследования, как правило, фокусировались на группах или отдельных участниках Сопротивления, но почти ни одно из них, насколько мне удалось установить, не анализировало должным образом взаимодействие между членами этих групп¹⁰. Как вербовали новых борцов Сопротивления? Как в реальности функционировали сети заговорщиков и как различные стили руководства влияли на результаты заговоров и их шансы на успех? И что важнее всего, мы увидим, как определенные лица, которых мы назовем посредниками и объединителями, поддерживали работоспособность этих сетей, обеспечивая поток информации внутри них.

Кроме того, мы рассмотрим сложности, связанные с решением участников Сопротивления убить Гитлера. С одной стороны, это действие искушало возможностью разом изменить ход истории. С другой — убийство верховного правителя для большинства заговорщиков представляло серьезную идеологическую, юридическую и моральную проблему. Как предводители Сопротивления, будучи благочестивыми христианами, оправдывали убийство вышестоящего лица, которому давали присягу? Постановка подобных вопросов позволит нам многое понять не только о Сопротивлении, но и о проблемах подчинения и неподчинения в нацистской Германии и за ее пределами.

Мое повествование основано на первоисточниках — дневниках, письмах, мемуарах и личных свидетельствах, а также на немецких, американских, британских, финских и советских документах. Кроме того, я использую протоколы допросов гестапо и материалы нацистских судебных процессов, а также беседы с заговорщиками и членами их семей. Особенно важным ресурсом является почти неисчерпаемая коллекция документов, собранная покойным профессором Гарольдом Дойчем, которая хранится в Центре образования и сохранения исторического наследия армии США в Карлайле (Пенсильвания). Я также активно пользовался частными архивами двух других выдающихся историков — Эберхарда Целлера и Бодо Шойрига, — хранящимися в Институте современной истории в Мюнхене.

Многие из задействованных мною документов мало исследованы (а то и вообще не исследованы) в существующих работах. Например, увлекательные дневники Германа Кайзера, посредника, связывавшего группы Сопротивления в Берлине и на востоке страны, предлагают редкую возможность заглянуть в ближний круг заговорщиков. Я также широко использовал беседы Гарольда Дойча и его команды с участниками попытки государственного переворота в сентябре 1938 г., о которой до сих пор известно сравнительно мало. Эти интервью открывают новую грань мировоззрения высокопоставленных участников движения

Сопротивления накануне и во время Второй мировой войны. Точно так же французские источники, которые до сих пор не получили должного внимания, позволили мне раскрыть историю переговоров, проведенных летом 1944 г., между агентами немецкого Сопротивления и офицерами разведки «Свободной Франции»*. Еще один важный источник, который также приводится здесь впервые, — протокол допроса советской разведкой полковника Ханса Кроме, участника движения Сопротивления, взятого в плен Красной армией в 1944 г. Этот документ, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации в Москве, содержит ценную информацию о том, какие методы рекрутирования использовало движение Сопротивления, о его внутренней структуре и организации секретной коммуникации.

Кроме того, я проработал значительный объем исследований о немецком движении Сопротивления, опубликованных в период с 1945 по 2015 г., на иврите, английском и немецком языках. Мои находки указывают на серьезные недостатки некоторых влиятельных и признанных работ по данной теме. Такая широта материалов, первичных и вторичных, позволила мне составить исчерпывающий отчет об интересующих нас событиях, включая моменты кризисов и переломов, и одновременно сделать несколько наблюдений, ценных не только применительно к этой конкретной истории. В нашем мире революционных «весен», гражданских войн, оккупационных режимов и жестоких тираний вопросы сопротивления важны как никогда.

* Движение французского Сопротивления. До 1942 г. — «Сражающаяся Франция», после — «Свободная Франция».

I

ОППОЗИЦИЯ В ОГНЕ

К 30 января 1933 г., накануне захвата нацистами власти, все еще было непонятно, получат ли Гитлер и национал-социалисты в свое распоряжение Германию без боя. Две оппозиционные антинацистские партии — коммунисты и социал-демократы — по-прежнему располагали масштабными сетями активистов, многие из которых владели оружием. У них были миллионы преданных сторонников, клубы и профсоюзы, и не было недостатка в готовой сражаться молодежи. В течение года все эти вроде бы внушительные ресурсы оппозиции будут поглощены огнем.

Вечером 27 февраля 1933 г. двое пешеходов и полицейский, проходя мимо Рейхстага, внушительного здания немецкого парламента в Берлине, заметили нечто необычное. В окнах плясали странные проблески света, среди которых мелькала быстро движущаяся тень. Полицейский сразу понял, что это поджог, и вызвал подкрепление. Правоохранители вошли в здание, преодолевая завесу густого черного дыма. Вскоре они увидели таинственного нарушителя: полуголый, покрытый потом, со свекольно-красным лицом и всклокоченными волосами, он выбирался из зала. Согласно найденному при нем паспорту, это был гра-

жданин Нидерландов Маринус ван дер Люббе. Чтобы устроить пожар, он использовал свою рубашку и канистру с бензином. На вопросы, зачем он это сделал, он отвечал: «Протест! Протест!»¹.

Мало кто из многочисленных берлинцев, с ужасом наблюдавших за пламенем, мог вообразить, что новый рейхсканцлер Адольф Гитлер использует этот поджог как повод для уничтожения всех оппозиционных структур, организаций и партий в Германии. Канцлер, назначенный всего месяцем ранее, 30 января, менее чем за год ликвидировал политические партии всех направлений, автономию немецких земель и могущественные профсоюзы. Радикальные изменения затронули также государственную службу, судебную систему, школы, университеты, а главное — армию. К концу 1934 г. Гитлер и нацистская партия оказались единственными хозяевами Германии — никакой боеспособной оппозиции, действующей или потенциальной, не осталось.

К горящему зданию поспешили представители нового режима. Первым появился Герман Геринг, один из приближенных Гитлера и председатель рейхстага. Командир пожарных доложил ему о попытках ликвидировать возгорание, но Геринга больше интересовала возможность ликвидировать кое-что другое. «Виновны коммунистические революционеры, — заявил он. — Это деяние — начало коммунистического восстания, которое необходимо немедленно подавить железной рукой». Гитлер и его главный пропагандист Йозеф Геббельс не остались в стороне. «С этого дня, — заявил новый канцлер, — любой, кто встанет на нашем пути, будет уничтожен. Немецкий народ не поймет мягкости. Депутатов-коммунистов следует повесить сегодня же»².

От Рейхстага, одного из последних реликтов умирающей Веймарской республики, остался почерневший остов. Страну охватила тревога, подпитываемая громкими заголовками в утренних газетах. «Только безжалостные меры против убийц, поджига-

телей и отравителей», — гласил один из них. «Расплата за террор — смертная казнь». Вскоре тревога переросла в истерию. «Они собирались посылать вооруженные банды в деревни, чтобы убивать и устраивать пожары», — записала в своем дневнике Луиза Зольмиц, консервативная школьная учительница³. «Стало быть, коммунисты подожгли Рейхстаг», — отмечал молодой юрист Себастьян Хафнер, один из немногих оставшихся скептиков.

Так-так. Это возможно. Это очень правдоподобно. Правда, несколько комично, почему именно Рейхстаг? Пустое здание, от его поджога никому никакой выгоды. Ну, наверное, это и впрямь «сигнал» для революции, каковая была в зародыше задушена решительными действиями правительства. Так написано в газетах, и, пожалуй, это убедительно. Странно, правда, что по поводу поджога Рейхстага так заволновались нацисты. До сих пор парламент был для них «дурацкой хибарой для трескотни», и вдруг разом сделалось оскорблением великой святыни то, что кто-то осмелился эту «дурацкую хибару» поджечь... Главное, опасность коммунистической революции миновала и мы можем спать спокойно⁴.

Ни правительство, ни коммунисты не спали спокойно. Накануне поджога Рейхстага Гитлеру только предстояло заручиться поддержкой большинства немцев. Немецкой национал-социалистической рабочей партии (НСДАП) по-прежнему было далеко до большинства в парламенте. Левые оппозиционные партии — социал-демократы и коммунисты — все еще представляли собой серьезную политическую силу⁵. Теперь же нацисты воспользовались красной угрозой, чтобы привлечь на свою сторону большую часть немецкого общества. Многие сочли Гитлера меньшим злом — даже если они прохладно относились к нему и его радикальным идеям. Кто-то, в особенности сторонники национал-консервативных правых сил, увидел в нацист-

ском лидере избавителя. Учительница Луиза Зольмиц, хотя и была замужем за крещеным евреем, принадлежала к числу таких людей. «Гитлер занимает мысли большинства немцев, — признавалась она в дневнике. — Его слава возносится к звездам. Он — спаситель жалкого грешного мира»⁶. Подобные страхи населения власть использовала для начала наполовину спланированной, наполовину спонтанной кампании по полному политическому, культурному и идеологическому покорению Германии. Нет нужды говорить, что накаленная атмосфера облегчила нейтрализацию всех центров силы, где могла возникнуть потенциальная оппозиция.

Кто на самом деле поджег Рейхстаг? Что это было — постановка национал-социалистов или выступление фанатика-одиночки в лице ван дер Люббе? Ученые спорят до сих пор⁷. В любом случае выиграли от этого исключительно нацисты. При формировании правительства они потребовали всего два портфеля в дополнение к должности канцлера: Министерство внутренних дел рейха и соответствующий орган в Пруссии, крупнейшей и важнейшей из немецких земель. Они знали, что делали. Эти два министерства обеспечивали им полный контроль над полицией, тайной полицией и органами внутренней безопасности по всему рейху. Опираясь на полученную власть, они решили полностью уничтожить оппозицию путем пропаганды, обольщения тех немцев, которые еще не являлись убежденными нацистами, и террора в отношении оставшихся членов оппозиции.

Сопrotивление становилось как никогда опасным делом. Один из основателей немецкого движения Сопrotивления Ханс Бернд Гизевиус с горечью писал позже: «Разве это был только Рейхстаг? Разве не пылал весь Берлин?»⁸ Кампания по ликвидации оппозиции и ее институтов являлась частью более масштабного процесса, который позже называли «гляйхшальтунг»^{*}. Его

* Уравнивание (нем. Gleichschaltung, от Gleich — «равный», Schaltung — «включение, схема»).

цель — полное подчинение немецкого общества путем внедрения национал-социалистической идеологии во все сферы жизни; при этом тем, кто соглашался сотрудничать, полагался внушительный пряник, а тем, кто осмеливался сопротивляться, — кнут.

28 февраля, через день после пожара в Рейхстаге, власть уничтожила конституционные препятствия. Новое правительство приняло чрезвычайные декреты «для защиты народа и государства», которые позволили ему отслеживать письма, телеграммы и телефонные звонки, а также ограничить свободу слова и печати. Что еще более важно, перестало действовать право на защиту от неправомерного ареста, так что враги режима потеряли даже возможность апеллировать к закону.

Первыми жертвами стали коммунисты. Нацисты обвинили их в поджоге и санкционировали арест лидера их фракции в рейхстаге. Всего за несколько недель партия распалась: ее газеты закрыли, подразделения запретили, а руководителей задержали. Коммунистические силы, которые многие немцы считали смертельной угрозой, сковал паралич. Полностью дезорганизованные, коммунисты не оказали практически никакого сопротивления. Такой мгновенный крах удивил как их сторонников, так и многих простых немцев — ведь раньше они видели в Коммунистической партии вооруженную и яростную революционную силу. От социал-демократов, напротив, никто ничего не ожидал. Хафнер писал:

Именно от коммунистов ждали ответного удара. Коммунисты, серьезные ребята с мрачными лицами, поднимали сжатый кулак вместо приветствия, у них было оружие — во всяком случае, они охотно пускали его в ход во время уличных перестрелок, они вечно хвастались своей силой, организованностью и наверняка получали из России наставления относительно того, как «это» делается. Нацисты не оставляли и тени сомнения в том, что намерены бороться с коммунистами насмерть. Следовательно, те защищаются⁹.

Но ничего подобного.

Почему Коммунистическая партия так быстро сдалась, несмотря на длительную подготовку к ожесточенному столкновению и с демократией, и с фашизмом? Петер Хоффманн утверждает, что ее лидеры оказались скованы собственной идеологической доктриной¹⁰. Вместе со своим патроном, советским лидером Иосифом Сталиным, они полагали, что возвышение нацистов — это всего лишь предсмертный хрип либеральной буржуазии, то есть Веймарской республики. Один русский дипломат в Берлине объяснял Фридриху Штампферу, редактору социал-демократической газеты *Vorwärts*, что Коммунистическая партия обязательно придет к власти, но только после того, как Гитлер расчистит путь, уничтожив демократию¹¹. Эта ложная уверенность заставила коммунистов принять катастрофические решения, главное из которых — их отказ присоединиться к социал-демократам и создать единый антинацистский фронт. В итоге прогнозы Коммунистической партии о народной революции не оправдались, а решительность и непреклонность противника ошарашили ее деятелей. Она прекратила свое существование как партия*.

Парализовало также и Социал-демократическую партию — главного соперника нацистов и сильнейшую политическую опору Веймарской республики, хотя здесь причины оказались совершенно иными. Ее лидеры были заиклены на «законности», несмотря на то что их противники в своем стремлении к абсолютной власти попирали все законы. Почему-то лидеры социал-демократов верили, что их защитят полиция, суд, государство, еще кто-нибудь. Они верили в это до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Социал-демократическая партия не всегда действовала так апатично. В бурном 1920 году, когда консервативный политик

* На выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. КПГ получила 12,5% голосов, но депутаты были лишены своих мандатов. 28 мая 1933 г. КПГ была запрещена. — Прим. науч. ред.

Вольфганг Капп попытался устроить военный переворот, партия мобилизовала рабочих на всеобщую забастовку. Эти массовые протесты заставили Каппа и его сторонников бежать и фактически восстановили Веймарскую республику. Однако в 1933 г., после пожара в Рейхстаге, лидеры социал-демократов не стали призывать к всеобщей забастовке — самому эффективному оружию, имевшемуся в их распоряжении. Они предпочли подчиниться, чтобы не давать правительству «оснований» для их запрета, как будто нацистам нужны были основания.

Национал-социалисты тем временем не останавливались. Воспользовавшись кризисом для укрепления своего контроля над государством, они разработали в марте так называемый Закон о чрезвычайных полномочиях, который позволял им принимать законы без одобрения парламента. Этот тщательно прописанный акт закладывал правовую основу для будущей диктатуры Третьего рейха. Партии центра и правых сил решили голосовать за новый закон, что было довольно глупо. Еще плохо зная Гитлера, они сочли, что смогут таким образом завоевать у нацистов необходимый для выживания кредит доверия. Сам Гитлер делал все возможное, чтобы успокоить их: обещал использовать обретенную власть лишь в редких случаях, для подавления коммунистической революции и только после консультаций с президентом. И все же у канцлера не набиралось большинства в две трети голосов, необходимого для утверждения нового закона: коммунисты и социал-демократы все еще могли заблокировать его принятие. Однако такие мелочи нацистов остановить не могли. 5 марта всех депутатов-коммунистов арестовали. Президент рейхстага Геринг дал понять, что в случае необходимости социал-демократов просто не пустят в зал, чтобы обеспечить нужное количество голосов.

Левые депутаты, которым все же удалось проникнуть во временное место заседаний рейхстага, организованное в Берлинской государственной опере, столкнулись с крайне недружелюбной атмосферой. Члены СА, военизированных формирований

нацистской партии, заполнили балконы и припугивали депутатов громкими возгласами, освистыванием и пением. Но социал-демократы не сдались. Их лидер Отто Вельс исполнил лебединую песню левых парламентариев в Германии. «Мы, немецкие социал-демократы, — сказал он, — заявляем о своей приверженности принципам гуманности и справедливости, свободы и социализма. Никакой закон о полномочиях не даст вам полномочий разрушить эти незыблемые вечные ценности»¹². Эти слова не произвели впечатления на Гитлера: «Вы опоздали, но все равно пришли!.. Вы уже никому не нужны... Звезда Германии взойдет, а ваша закатится. По вам уже звонят колокола... Мне не нужны ваши голоса. Германия будет свободна, но не благодаря вам!»¹³

Колокола по Социал-демократической партии действительно звонили — под одобрительные возгласы и аплодисменты ее противников. 22 июня 1933 г. министр внутренних дел Вильгельм Фрик объявил партию «врагом государства и нации» и приказал ее распустить. Крупнейшая левая партия Германии прекратила свое существование.

Не лучше обстояли дела у центристов и правых, несмотря на их предыдущее сотрудничество с Гитлером. 21 июня полиция и штурмовики ворвались в штаб-квартиру Немецкой национальной народной партии. Лидер партии Альфред Гугенберг был политическим союзником Гитлера и разделял многие из его ультранационалистических, империалистических и антисемитских взглядов. Он даже занимал министерский пост. Однако нацисты не проявили милосердия к человеку, поддержка которого помогла им завоевать власть. Партия вынужденно самораспустилась, и 26 июня Гугенберг ушел в отставку. Неделью спустя, 4 и 5 июля, самораспуститься были вынуждены две католические партии. Их судьба оказалась решена 14 июля, когда правительство издало закон, официально превративший Германию в однопартийное государство: «Немецкая национал-социалистическая рабочая партия является единственной политической партией

в Германии. Любой человек, взявшийся за организацию или учреждение другой политической партии, подлежит тюремному заключению на срок до трех лет или аресту на срок от шести месяцев до трех лет»¹⁴.

Это положило конец политическим партиям, самому естественному и самому важному источнику легальной оппозиции, в Германии. Однако на этом глянцшальтунг не остановился. Теперь Гитлер обратился к другим центрам федеральной власти и уничтожил их без сопротивления.

Подобный результат был далеко не очевиден. Сильные религиозные традиции Германии восходили к предшествовавшей объединению эпохе. До 1871 г. немецкоязычные территории были разделены на множество самостоятельных княжеств с собственной валютой, правительством и армией. В случае необходимости многие из этих княжеств без колебаний воевали друг с другом или заключали союзы с внешними государствами. Некоторые, например Пруссия, считались мировыми державами. После объединения при Бисмарке новообразованная Германская империя не упразднила эти княжества, а перестроила под собственной политической властью. Даже в 1918 г., когда волна революции, прокатившаяся по княжествам, превратила их в республики, федеративное устройство страны не изменилось и земли сохранили органы местного самоуправления. Одна из них, Бавария, в начале 1920-х гг. оказалась на грани отделения.

Теперь все шло по-другому. Как ни пресмыкались перед режимом местные власти, от них постепенно избавлялись. Вместо выборных премьер-министров новые правители назначали руководителей местных отделений НСДАП (гауляйтеров), которые отвечали не перед населением, а перед партией в Берлине. Сопrotивлялась только Бавария, южная католическая земля с сильным региональным самосознанием, однако эту проблему решил переворот. Национал-социалисты, действуя в тесном сотрудничестве с полицией, ворвались в кабинет баварского премьер-министра Генриха Хельда. Его отстранили и взамен

назначили одного из сторонников Гитлера. Теперь и Бавария была включена в гляйхшальтунг.

Быстро исчезли и профсоюзы, хваставшиеся миллионами членов. К удивлению некоторых активных сторонников, сценарий 1920 г. не повторился и идею всеобщей забастовки против нового режима даже не рассматривали. Профсоюзные лидеры считали, что, соглашаясь с Гитлером, смогут ужиться с режимом, и соревновались друг с другом в громких заявлениях о лояльности Гитлеру. Но это им не помогло. Нацистское руководство не терпело конкурирующих центров власти, тем более тех, которые ранее ассоциировались с левыми.

В этом случае нацисты прибегли к хитрости. Гитлер объявил 1 мая Днем национального труда, национал-социалистическим праздником, и профсоюзам было предложено отмечать его вместе с партией. Бурные празднества включали впечатляющий парад, в котором принимали участие как национал-социалисты, так и члены профсоюзов. Годы спустя коммунистический активист Франц Юнг сетовал на то, что он и его товарищи «маршировали в плотном окружении СА, СС и гитлерюгенда»*. Действительно, идеальная картина классовой гармонии¹⁵.

План сработал. Лидеры профсоюзов чувствовали себя в безопасности, но на следующий день их ждал неприятный сюрприз. Еще не успела улечься суматоха парада, как началось широкомасштабное наступление. Представительства профсоюзов взяли штурмом, документы конфисковали, а их самих, так старавшихся доказать свою лояльность новому режиму, отправили в концентрационные лагеря. С исчезновением профсоюзов немецких рабочих быстро затянуло в водоворот гляйхшальтунга: появилась нацистская организация под названием «Германский трудовой фронт».

* СС (Schutzstaffel, «отряды охраны») — военизированные отряды НСДАП. Гитлерюгенд — молодежная организация НСДАП.

Остальные центры власти нейтрализовали столь же легко. Начиная с 7 апреля 1933 г. министерства стали избавляться от евреев и нежелательных с политической точки зрения лиц*. Масштабные чистки проходили также в судах, полиции, школах и университетах. Представители интеллигенции в массе своей даже не пытались заступаться за смещенных коллег. На самом деле большинство из них, включая таких светил, как философ Мартин Хайдеггер, поддерживали новый режим. Сопротивления не оказали также промышленные, экономические и финансовые круги. Поборов первоначальные опасения, ведущие промышленники, бизнесмены и финансисты быстро постарались ухватить свой кусок пирога. Гитлер и его приближенные знали, чем их соблазнить: запрет забастовок и профсоюзов, уничтожение непопулярного демократического режима, а главное — масштабное перевооружение, которое сулило огромные прибыли.

«Нельзя отрицать, что он вырос. К удивлению оппонентов, демагог и партийный лидер, фанатик и смутьян, похоже, превращается в настоящего государственного деятеля». Так писал 21 марта в своем дневнике романист Эрих Эбермайер, которого невозможно причислить к нацистам¹⁶. Он был не одинок. Под очарование харизмы Гитлера попали и многие другие немцы, пополнившие стройные ряды сторонников гляйхшальтунга. 12 ноября 1933 г. снова прошли всеобщие выборы. Явка составила более 95%. К выборам допустили только Национал-социалистическую рабочую партию, и Гитлер «победил» с огромным отрывом: за него проголосовали 92,11%, и лишь 7,89% осмелились высказать иное мнение или воздержаться¹⁷. Безусловно, эти выборы проходили в условиях диктатуры, в отсутствие конкуренции и в сопровождении активной государственной пропаганды. Не обеспечивали они и тайну голосования. Однако такая

* 7 апреля 1933 г. был принят закон «О восстановлении профессионального чиновничества», заложивший принцип, согласно которому государственными служащими могли быть только арийцы (за редким исключением, касавшимся ветеранов Первой мировой войны). — *Прим. науч. ред.*

массовая явка позволяет предположить, что большинство жителей Германии симпатизировали новому режиму.

Гитлер и его советники мудро избежали некоторых очевидных ловушек. Когда нацистские радикалы требовали устроить вторую социальную революцию, канцлер наотрез отказался — этот шаг помог ему завоевать поддержку среди высших классов, опасавшихся радикальных перемен. Особенно это касалось армии. Эта крайне консервативная, знающая себе цену организация отличалась давними традициями автономии и претензий на политическую власть. Многие видели в ней независимую силу, единственное убежище от нацистского беззакония. Однако внимательным наблюдателям с самого начала стало ясно, что это всего лишь иллюзия. В отличие от социал-демократов и коммунистов, армия являлась не соперником, а союзником режима. Да, часть высшего командования свысока смотрела на невежество Гитлера, но даже эти офицеры соглашались сотрудничать с ним. Высшие эшелоны рейхсвера (позже переименованного в вермахт)* надеялись на появление компромиссного режима — с Гитлером во главе, но ключевыми позициями у них. Большинство молодых солдат, как и молодежи в целом, проявляли лояльность к режиму. Даже старшие офицеры все чаще и чаще отказывались от преобладавшего осторожного подхода и становились убежденными нацистами. Несогласных по большей части заставляли молчать или увольняться. Самым известным среди них был генерал Курт фон Хаммерштейн, главнокомандующий и непримиримый противник Гитлера. В 1934 г. горстка офицеров еще пыталась противостоять внедрению расовой теории в воин-

* Рейхсвер (Reichswehr) — название вооруженных сил Германии, ограниченных по условиям Версальского договора, с 1919 по 1935 г. В 1935 г. Германия в нарушение этого договора организовала военно-воздушные силы (люфтваффе), ввела всеобщую воинскую повинность и переименовала рейхсвер в вермахт (Wehrmacht).

ские уставы, но и их сопротивление быстро растаяло. Армия медленно, но верно подчинялась руководству Гитлера.

Этот союз скрепили в июне 1934 г., когда Гитлер принял важное решение распустить свою личную дружину — отряды СА. Лидеры этой организации не скрывали своего намерения сместить ненавистное аристократическое военное командование и создать национал-социалистическую народную армию. Генералы не могли долго мириться с такой угрозой. В итоге Гитлеру пришлось выбрать одну из сторон, и он это сделал. В порыве ужасающей жестокости канцлер приказал расправиться со всем руководством СА, это событие позже получило название «ночь длинных ножей». Заодно ликвидировали нескольких консервативных противников режима, в том числе двух высокопоставленных должностных лиц: бывшего рейхсканцлера генерала Курта фон Шлейхера и офицера разведки генерал-майора Фердинанда фон Бредова. Впрочем, это не помешало армейскому руководству отпраздновать победу, а два главных военачальника страны — главнокомандующий генерал Вернер фон Фрич и начальник Генерального штаба генерал Людвиг Бек — даже не попытались выразить протест. Победа армии, конечно, являлась иллюзорной. Когда СА потеряла влияние, главной боевой организацией Национал-социалистической партии стали войска СС. Они были лучше организованы и в долгосрочной перспективе представляли собой гораздо большую угрозу для армии.

Чтобы продемонстрировать благодарность за уничтожение конкурентов из СА, некоторые генералы во главе с министром обороны Бломбергом предложили, чтобы отныне каждый солдат присягал на верность не только нации и рейху, но и лично Гитлеру. (С 1934 г. Гитлер занимал одновременно посты канцлера и президента и именовался просто фюрером, то есть вождем.) Так и сделали: «Именем Бога я приношу священную клятву беспрекословно подчиняться Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа и Верховному главнокомандующему вермахта. Как храбрый

солдат, я буду готов в любой момент отдать за эту клятву свою жизнь»¹⁸.

Пронацистский сдвиг начался и в среде рабочего класса, который традиционно являлся главной опорой Социал-демократической и Коммунистической партий. Увеличение государственных расходов, грандиозные госпроекты и перевооружение привели к существенному снижению безработицы. Хотя забастовки запретили, а реальная заработная плата не росла, голодающих в стране было мало, в отличие от последних лет Веймарской республики¹⁹. Национал-социалистическое объединение «Сила через радость» (Kraft durch Freude), занимавшееся вопросами досуга населения, организовывало отпуска, экскурсии, спортивные и культурные мероприятия для рабочих и государственных служащих. Набирающая силу пропагандистская машина распространяла нацистскую доктрину в школах, университетах, на рабочих местах, в журналах и кинотеатрах. Многие ей подчинялись. В своих мемуарах Себастьян Хафнер так описывал эти соблазны:

Людей отвлекали и занимали — шел непрекращающийся хоровод праздников, посвящений и национальных торжеств... Марши и фейерверки, оркестры, барабаны и флаги над всей Германией; Гитлер, ревущий из тысяч репродукторов, клятвы и обеты... Чудовищная пустота и бессмыслица этих не прекращающихся ни на миг торжеств, разумеется, не входила в планы устроителей. Население нужно было приучить праздновать и «национально возрождаться», хотя бы оно и не видело для этого никаких оснований. Для всеобщего ликования хватало и того, что людей, не желавших принимать в нем участие, — т-с-с! — ежедневно и еженощно садистски пытали и забивали насмерть железными прутьями²⁰.

Счастливому и сплоченному немецкому народу противостоял «еврей», вечная черная овца для Национал-социалистической